

В 1797 г. в «Письме» в «Spectateur du Nord» Карамзин говорил о том, что «французская нация прошла все ступени цивилизации для того, чтобы постичь точки, на которой она ныне находится». ⁵⁰ Далее он обращает внимание на «быстрый полет нашего народа к той же цели». ⁵¹ Из сказанного, конечно, не следует, что Карамзин ожидал в России повторения парижских событий. Однако из этих слов с очевидностью вытекает, что для Карамзина Франция и в годы революции оставалась эталоном цивилизации и мерилom прогресса. Высказанная здесь точка зрения весьма близка к «Очерку исторической картины прогресса человеческого разума» Кондорсе. Карамзин, очевидно, был знаком с Кондорсе в Париже, осведомлен об обстоятельствах его гибели ⁵² и, вероятно, ознакомился с этим, посмертно опубликованным итоговим произведением французского Просвещения. Основной концепции Кондорсе была вера в единство путей человеческого разума и безостановочность его прогрессивного шествия. С этой точки зрения любые кровавые и трагические эпизоды человеческой истории выглядели как «эксцессы», которые не могут лишить философа его оптимистической веры в Разум.

Однако вера в успехи цивилизации и совершенствование человека, к которой у Карамзина всегда примешивалась доля утопизма, ⁵³ не исключала стремления к политическому реализму, когда вопрос касался не абстрактно-философских, а конкретных проблем современной ему России. В этом отношении сближение Карамзина с С. Р. Воронцовым достойно серьезного внимания.

Последние два десятилетия царствования Екатерины II были отмечены широким недовольством, захватившим всю толщу общества. Конечно, реальные интересы и идеологические представления тех, кто ждал крестьянского царя, имеющего право сказать: «Всю землю своими ногами исходил и для дарования вам милосердия от создателя создан», ⁵⁴ — и просвещенных оппозиционеров типа адмирала П. В. Чичагова, писавшего: «Грязнейшее гнездо рабства находится в так называемом русском дворянстве. Конституционно в бедном моем отечестве одно лишь крепостничество, потому что это — единственное состояние, согласующееся с естественными наклонностями этой нации, коим дворянство служит истинною порукою», ⁵⁵ — были разделены глубокой чертой.

Однако в последние годы полновластия Потемкина и, особенно, в период фавора П. Зубова общественная опора правительства

мер: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 50.

⁵⁰ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 478.

⁵¹ Там же.

⁵² Доказательства знакомства Карамзина и Кондорсе см. в кн.: *Карамзин Н. М. Письма русского путешественника* (в печати).

⁵³ «Утопия будет всегда мечтою доброго сердца», — писал он в «Письмах русского путешественника» (382).

⁵⁴ Пугачевщина, том первый, из архива Пугачева (манифесты, указы, переписка), Центрархив. М.; JL, 1926, с. 36.

⁵⁵ Архив адмирала П. В. Чичагова. СПб., 1885, вып. 1, с. 45.